

Глава 23. Фейерверк

—

«Спасибо тебе».

У выхода из ресторана Чжу Мин вздохнул и сказал: «Мне оставалось совсем чуть-чуть, и я бы смог потрогать шерсть черной овцы, ее духовной формы. Благодаря тебе, я думаю, я никогда в жизни больше не смогу войти в этот магазин».

Лицо Си Сяньцина тоже не выражало радости.

Чжу Мин печально сказал: «А кукурузные лепешки так и не попробовали, эксклюзивная новинка».

Лицо Си Сяньцина снова помрачнело.

Он бросил взгляд на Чжу Мина: «Ты говорил, что пойдешь лечить аномалии духовной формы, а не лечить безумие».

Чжу Мин замер, понимая, что ему действительно нечего возразить.

Он тоже не ожидал, что Цзи Жун так внезапно разозлится.

Си Сяньцин действительно легко обижает людей своими словами, но Чжу Мин, сидевший рядом и слышавший все, что он говорил, должен признать, что сегодня он отвечал вполне корректно.

Что касается Цзи Жун, хотя этой девушке еще нужно поработать над управлением своими эмоциями, Чжу Мин по их предыдущему общению мог сказать, что она не была невоспитанной.

Только когда прозвучали слова «Шэнь Ин», она мгновенно превратилась в пороховую бочку, готовую взорваться от малейшей искры.

Чжу Мин задумался на мгновение: «Я думаю, может быть, у этих двоих раньше были какие-то разногласия? Все-таки ресторанный бизнес... конкуренция довольно высокая, и, говорят, там легко нажать врагов».

Си Сяньцин слегка нахмурился: «Люди, у которых были разногласия, стали бы использовать одинаковый дизайн в своих магазинах?»

Чжу Мин немного помолчал: «Но если у них не было разногласий, то почему нас выгнали?»

«Неужели они когда-то были вместе... но потом расстались?» - неуверенно предположил он.

Си Сяньцин некоторое время молчал.

Этого они не ожидали.

Шэнь Ин была восходящей звездой, новым представителем Второго округа, а Цзи Жун - владелицей обычной булочной. Для посторонних они казались двумя параллельными линиями, которые никогда не пересекутся.

Их удача была даже немного странной - если бы Чжу Мин не проводил выездные консультации, если бы Си Сяньцин сегодня не пошел с ним, они могли бы действительно случайно упустить эту информацию.

Си Сяньцин выдохнул: «Пойдем обратно».

Уже стемнело, и приморский городок достиг пика своей посещаемости.

Загорелись фонари, украшавшие пешеходную улицу, люди сновали туда-сюда, шум волн смешивался с голосами, соленый морской ветер смешивался с ароматом закусок, создавая оживленную и уютную атмосферу.

Это действительно сильно отличалось от того, что Си Сяньцин узнал о Втором округе за последние несколько дней, проведенных в горах.

Горы Второго округа напоминали детализированную и изысканную картину маслом, где изысканное и роскошное обслуживание преподносилось гостям с небесной легкостью; внизу же царил земная суета, наполненная духом жизни и творчества, создавая ощущение подлинности и живости, даря туристам чувство дома и принадлежности.

Си Сяньцин тем временем ловил кадры пейзажей, а Чжу Мину было не очень хорошо.

Улица с закусками всегда была оживленной, а когда поток людей увеличился, она мгновенно стала непроходимой. В такой толкучке передвижение Чжу Мина стало проблемой.

Он мог только затаить дыхание и осторожно управлять инвалидным креслом, медленно продвигаясь сквозь толпу, избегая столкновений с прохожими.

Затем он внезапно услышал громкий хлопок, донесшийся издалека.

Подняв голову, он увидел лишь кусочек неба, заслоненный плотной толпой, и растерянно спросил Си Сяньцина: «Что случилось?»

Си Сяньцин поднял глаза и сказал: «Это фейерверк».

Второй район действительно много внимания уделял туризму, и в начале лета фейерверк на побережье, несомненно, был незабываемым летним зрелищем.

Поэтому изначально движущаяся толпа остановилась, чтобы полюбоваться зрелищем.

Положение Чжу Мина стало немного неловким.

Он слышал только звуки запуска фейерверков в воздух, но из-за ограниченного обзора, видя лишь плечи людей, он мог лишь с трудом разглядеть несколько меняющихся огней в небе.

Но он не мог увидеть фейерверк, который видели все остальные.

Чжу Мин давно привык к таким неудобствам, и он никогда не был из тех, кто жалуется на судьбу, ведь всегда найдется решение.

Чжу Мин на мгновение задумался, достал телефон и, изо всех сил вытянув руку вверх, попытался с помощью экрана телефона увидеть фейерверк и заодно сделать несколько фотографий.

Так он сможет потом отправить их Чжу Инъин и сказать ей, что наслаждается жизнью во Втором округе.

Он сосредоточенно смотрел вверх на фейерверки в видеоискателе, но вдруг через экран телефона встретился взглядом с темно-зелеными глазами, которые были красивее любого фейерверка.

Подсознательно нажав на кнопку спуска затвора, Чжу Мин опустил телефон и спросил Си Сяньцина: «Что случилось?»

Си Сяньцин шевельнул губами, казалось, что-то сказал, но звук фейерверков был настолько громким, что заглушил все человеческие голоса.

Чжу Мин не расслышал и слегка нахмурился: «Что ты сказал?»

Си Сяньцин больше ничего не сказал, только поджал губы.

В следующее мгновение он прямо выхватил телефон из рук Чжу Мина, повернулся и ловко сделал несколько снимков фейерверков.

Чжу Мин замер, взял обратно телефон, улыбнулся и беззвучно произнес «спасибо».

Однако, взглянув на фотографии, он был поражен их ужасным качеством – это было похоже не на фестиваль фейерверков, а на возвращение призрака.

Он быстро опустил голову, снова настроил параметры телефона, потянул Си Сяньцина за рукав и показал пальцем «1», означая, что можно ли сделать еще один снимок.

Понимая, что его навыки фотографа, похоже, подверглись критике, лицо Си Сяньцина мгновенно помрачнело.

Чжу Мин тоже понимал, что немного перегнул палку.

Сначала он показал жестом «Я же не вижу», затем быстро сложил руки в молитвенном жесте, изображая просьбу, и наконец почтительно протянул телефон Си Сяньцину.

Метеоритные вспышки фейерверков одна за другой проносились по небу, но Си Сяньцин долго не двигался.

Чжу Мин признал, что, возможно, был немного жадным, вздохнул и снова посмотрел на экран, размышляя, сможет ли он хоть как-то исправить ситуацию с помощью фоторедактора.

В следующее мгновение перед его глазами снова появилась большая рука с тонкими пальцами.

Он сначала обрадовался, подумав, что Си Сяньцин сжалился и согласился сделать еще несколько снимков, но, собираясь что-то сказать, вдруг заметил, что рука Си Сяньцина опустилась не на его телефон.

Одновременно его поясницу и подколенные сухожилия крепко сжали сильные руки, затем его легко подхватили, и в следующее мгновение он взлетел в воздух –

Его обзор мгновенно расширился.

Высота, на которой он находился, изменилась в мгновение ока, Чжу Мин беззвучно расширил глаза и почти растерянно посмотрел вокруг: «...!»

Он увидел многое.

Сначала - прекрасный фейерверк.

Он был не только в небе, но и отражался на нежной поверхности моря, весь мир был освещен этим романтическим великолепием, красотой и великолепием, которые невозможно передать фотографией, их можно было увидеть только своими глазами.

Повернув голову, Чжу Мин медленно посмотрел на профиль человека, который держал его на руках.

Красивое лицо молодого человека было освещено мерцающим светом фейерверков, его губы были слегка поджаты, а в выражении лица читалось легкое смущение.

Но, заметив взгляд Чжу Мина, он наконец повернул голову и, делая вид, что спокоен, встретился с ним глазами.

«Видишь?» - спросил Си Сяньцин.

Сердцебиение почти совпадало с ритмом фейерверков, Чжу Мин слегка приподнял уголки губ, повернул голову и посмотрел на небо: «Угу, вижу».

«Очень красиво», - сказал он на ухо Си Сяньцину.

Профиль Чжу Мина мерцал в такт фейерверкам, его темные круглые глаза были окрашены огнями фейерверка, прозрачные и яркие, словно драгоценные камни с лучшим огнем и чистотой.

Си Сяньцин некоторое время молча смотрел, затем беззвучно отвел взгляд: «Если хочешь фотографировать, фотографируй сам, не медли».

Явно помогая человеку, он всегда говорил с ним в неуклюжем тоне, нарочно делая свои слова неприятными.

Чжу Мин тихо рассмеялся.

«Угу», - сказал он, одной рукой крепче обнимая Си Сяньцина за шею, и поднял телефон, - «Раз уж так, то, пожалуйста, приложи еще немного усилий и подними меня повыше».

Си Сяньцин, которого безжалостно эксплуатировали: «...»

Время фейерверка было недолгим, но в конце концов Чжу Мин все же сделал несколько приличных снимков.

Собравшиеся прохожие начали расходиться, Си Сяньцин наклонился и снова посадил Чжу Мина в инвалидное кресло.

В воздухе воцарилась тишина, и Чжу Мин тихо сказал: «Спасибо».

Си Сяньцин взглянул на него и хмыкнул.

Они снова двинулись к выходу с пешеходной улицы. Чжу Мин, вспоминая этот день, почувствовал, что Си Сяньцин в каком-то смысле тоже получил немало.

Сначала его отругали в ресторане вместе с ним, потом он был фотографом фейерверков, а еще немного побыл бесплатной живой подставкой.

Если бы это был кто-то другой, они бы чувствовали себя немного неловко, но Чжу Мин был необычным человеком. Он чувствовал, что у него еще есть много возможностей для эксплуатации этого человека, поэтому он обратился с еще одной откровенной просьбой: «Кстати, можем ли мы сфотографироваться вместе?»

Си Сяньцин посмотрел на него.

«Моя тетя в эти дни постоянно пишет сообщения и спрашивает, чем мы занимаемся. Ты же знаешь, представление должно быть полным, чтобы ее убедить».

Чжу Мин сказал: «Так что свадебные фотографии все-таки нужны, ты немного подыграй мне, хорошо?»

Он говорил, но его рука уже молниеносно взлетела вверх, и он уже собирался нажать на кнопку спуска затвора –

Однако Си Сяньцин не позволил ему это сделать.

Он прямо поднял руку, и его длинные пальцы закрыли объектив Чжу Мина.

«Если я с тобой сфотографируюсь», – спокойно выдвинул условие Си Сяньцин, – «то взамен ты мне тоже кое в чем поможешь».

Чжу Мин слегка замер, а затем догадался, в чем будет заключаться эта помощь.

Пытаясь вырвать телефон из большой руки Си Сяньцина, Чжу Мин начал торговаться: «Так не пойдет, твоя просьба гораздо сложнее моей».

Си Сяньцин бросил на него взгляд, но руки не разжал: «Тогда я не буду фотографироваться».

Чжу Мин склонил голову набок и с улыбкой стал торговаться: «Так, кроме этой, в ближайшие дни ты еще должен будешь сделать со мной как минимум пять совместных отпускных фотографий, договорились?»

Си Сяньцин нахмурился: «...Две».

Улыбка Чжу Мина не дрогнула: «Четыре».

Си Сяньцин наконец разжал руку: «Три».

Чжу Мин моргнул.

«Договорились», - вздохнул он. «Давай, смотри в камеру».

«...»

«Нет, ты можешь хотя бы немного улыбнуться?»

«...»

«...Ладно, и так достаточно мрачно, лучше не надо».

Неожиданное открытие того, что Шэнь Ин и Цзи Жун были знакомы, стало для Си Сяньцина своего рода прорывом.

Неделю спустя состоялась вторая встреча Си Сяньцина с Шэнь Ин.

Процесс почти не отличался от предыдущего: Си Сяньцин представил несколько предварительных эскизов команды, обсудил привычки Шэнь Ин в одежде и ее цветовые предпочтения.

И в конце он снова задал вопросы, связанные с жизненным опытом Шэнь Ин.

Шэнь Ин по-прежнему вела себя сдержанно и вежливо, отвечая в официальном и отстраненном тоне.

Ее ответы, как и прежде, сводились к банальностям вроде «наставления отца» или «обладание этим рестораном - самый важный подарок в моей жизни», к которым невозможно было

придаться.

Она была похожа на тщательно подстриженный цветок в фарфоровой вазе, каждый лепесток и листик которого были повернуты к зрителю под самым выгодным углом.

Но поскольку корень был давно срезан, и цветок стоял в холодной воде, а не в питательной почве, он был красив, но уже лишен живой энергии.

Но на этот раз Си Сяньцин был настроен очень спокойно.

Он был терпелив и, получив от Шэнь Ин ее безупречные, словно заученные ответы, лишь спокойно кивнул и вежливо согласился.

На этот раз Шэнь Ин угощала Си Сяньцина и его команду лучшим чаем Второго округа, подавая его в ажурном фарфоровом сервизе с росписью тушью, изображающей горные пейзажи, и дополняя изысканными маленькими закусками.

«Это самый редкий чай Яньин из нашего Второго округа, свежесобранный».

Шэнь Ин сказала: «Попробуйте».

Си Сяньцин кивнул и взял чашку.

Он опустил глаза, сделал глоток, затем поставил чашку обратно на стол, но не убрал руку, а провел кончиками пальцев по краю чашки, остановившись на маленькой вышивке в углу льняной салфетки.

«Госпожа Шэнь, этот тотем на салфетке выглядит как два соединенных вместе рисунка».

Он посмотрел на лицо Шэнь Ин и вдруг задал совершенно не связанный вопрос: «Есть ли за этим какая-то история?»

Он увидел, как руки Шэнь Ин, сложенные на коленях, слегка дрогнули.

В то же время глаза розово-белой змейки, обвившейся вокруг запястья Шэнь Ин, словно слегка сузились, а через мгновение она скрылась в рукаве хозяйки, оставив снаружи лишь тонкий и длинный кончик хвоста.

«Верхняя часть, лепестки сакуры, означают мое имя».

Через некоторое время Шэнь Ин заговорила, отвечая безупречно. «Что касается нижнего

облака, то это потому, что ресторан расположен в уединенном горном месте, окутанном облаками, поэтому его можно считать символом ресторана».

Си Сяньцин через некоторое время кивнул и повторил ее слова: «Облако?»

Улыбка на губах Шэнь Ин застыла: «...Да, что-то не так?»

«Нет, ничего. Просто мне кажется, что ваш ресторан в целом оформлен в старинном стиле, и если вы хотите выразить тему облаков, то выбор такого классического мотива, как узор счастливых облаков, казалось бы, был бы более уместен».

Его пальцы обводили выпуклые края вышивки, и он спокойно сказал: «Это облако кажется довольно округлым и пушистым, выглядит немного... слишком мультяшным и милым».

Пальцы Шэнь Ин беззвучно замерли.

Си Сяньцин положил салфетку обратно на стол и посмотрел в глаза Шэнь Ин: «Поэтому мне кажется, что его очертания больше похожи на шерсть какого-то животного».

—

Автору есть что сказать:

У большого павлина длинная шея, он может прямо так круто поднять маленькую лисичку, чтобы посмотреть фейерверк.

—

<http://bllate.org/book/14498/1283130>